

АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Татьяна Коваль

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОГО И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В ТРУДАХ РАННИХ ОТЦОВ ЦЕРКВИ

Сегодняшние трагические события в мире делают проблемы развития культуры и цивилизации особенно актуальными. Богатейшее наследие христианской мысли может помочь в их осмыслении. Ведь здесь содержатся подходы для решения таких сложных вопросов, как вопросы о природе человеческой цивилизации и ее противоречиях, о культурном творчестве и техническом овладении мира, о причинах расхождения между достижениями рационального познания, с одной стороны, и духовно-нравственным состоянием людей, с другой.

Попробуем мысленно перекинуть мост длиной в двадцать веков — к истокам христианства. Как самые ранние христианские мыслители, мужи апостольские и апологеты, ставили и решали вопросы, связанные с развитием культуры и цивилизации?

Прежде всего, вспомним об особой эсхатологической атмосфере той эпохи. Со дня на день ожидалось второе пришествие Учителя. «Уже последние времена», — говорит святой Игнатий Богоносец¹. «Нам, нашему поколению Бог предопределил увидеть конец времен», — восклицает Тертуллиан. В том, что Господь «скоро придет, и не замедлит»², уверен святой Климент Римский, а потому призывает «ежечасно ожидать Царства Божия»³.

Казалось бы, эти эсхатологические чаяния должны были перечеркнуть саму возможность постановки вопросов о разви-

¹ *Св. Игнатий Богоносец*. Послание к ефесянам // Ранние отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты. Антология. Брюссель, 1988. С. 106 (далее: Ранние отцы Церкви...).

² *Св. Климент Римский*. Первое Послание к коринфянам // Ранние отцы Церкви... С. 58.

³ *Св. Климент Римский*. Второе Послание к коринфянам // Ранние отцы Церкви... С. 91. Несмотря на то, что Второе Послание не принадлежит, как установлено в начале XX века, к произведениям святого Климента, но приближается к т. н. «псевдо-Клементинам», оно ярко отражает дух эпохи.

тии культуры и цивилизации. Ведь ожидание конца света делало земные проблемы малоценными. Творчество, культура, техническое овладение миром, хозяйственная деятельность, профессиональное совершенствование, социальные отношения, — все это, нацеленное на долговременную перспективу, теряло смысл. «Не было поэтому чувства истории, а только апокалиптического исполнения времен. Не могло быть чувства культуры и творчества», — справедливо отмечает в этой связи архимандрит Киприан (Керн)¹.

На это же обращал внимание и отец С. Булгаков. По его словам, в эсхатологическом ощущении «притуплено чувство эмпирической действительности и ее непосредственных нужд, подобно тому, как у человека, готовящегося к смерти, естественно пропадает вкус и интерес к обыденным делам и заботам, и мысль сосредотачивается на неподвижном и вечном»².

Налицо определенный парадокс.

С одной стороны, действительно, внимание раннехристианских мыслителей сосредоточено на будущем Царствии, а не на преходящем земном граде³. «Мы живем надеждою будущего блаженства», «счастливым созерцанием будущего», — свидетельствовал Минуций Феликс, описывая жизнь христиан того времени⁴. Естественно звучит в этом контексте и призыв Татиана Сирийца: «Умри для мира, отвернув его безумие»⁵. О необходимости «оставить жительство этого мира» говорил также святой Климент Римский и многие другие раннехристианские мыслители⁶.

Именно в это время формируется идеальный образ христианина как «странника», который живет в мире, но — не от

¹ Киприан (Керн), архим. Патрология. Т. I. Париж—Москва, 1996. С. 17.

² Булгаков С. Н. Апокалиптика и социализм // Сочинения в двух томах. Т. 2. Избранные статьи. М., 1993. С. 431.

³ Как отмечал в этой связи архимандрит Киприан, «интерес христианской проповеди в глазах людей того времени лежит в будущем. Эта аскетическая незаинтересованность в настоящем обосновывается ожиданием близкой “парусии” Господа. Интересы земные: семья, нация, общество, государство, — все это преходящий призрак» (Указ. соч. С. 45). Он же отмечает, что в писаниях самых ранних христианских мыслителей, а именно мужей апостольских, остро чувствуется пренебрежение земными интересами. Только со времени апологетов христианская письменность начинает уделять внимание человеческому земному деланию.

⁴ Минуций Феликс. Октавий // Ранние отцы Церкви... С. 587.

⁵ Татиан Сириец. Речь против эллинов // Ранние отцы Церкви... С. 379.

⁶ Св. Климент Римский. Второе Послание к коринфянам // Ранние Отцы Церкви... С. 87.

мира. О том, что христиане заключены в мире «как бы в темнице», обитают в нем «как пришельцы, ожидая нетления на небесах», свидетельствовал автор «Послания к Диогнету»¹. Для странника же не свойственно «обустраиваться» в этом мире, особенно если он наполнен эсхатологическими ожиданиями.

С другой стороны, первые века христианства отмечены жаркими спорами о культуре и цивилизации. В них решалось, принять или отринуть историю, войти в нее, начав созидание христианской культуры, или уйти во внутреннюю религиозную жизнь, игнорировать происходящее вокруг. Вся история первых веков свидетельствует о том, как непросто давался выбор правильного пути. Достаточно вспомнить о том, как еще в век апостольский принималось решение: превратиться ли в иудейскую секту, отгородившись от мира, или крестить язычников, оставив им право сохранять свою культуру. В эпоху мужей апостольских и апологетов круг вопросов расширился. Необходимо было определить отношение христианства к эллинизму, к культурному наследию различных языческих народов; выделить духовно-нравственную основу зарождающейся христианской культуры; понять истоки творчества и разумной способности человека, технического овладения миром, решить вопросы о соотношении веры, рационального знания и культуры, а также многие другие.

Сосредоточимся на двух взаимосвязанных вопросах. Первый связан с отношением раннехристианских мыслителей к культуре, второй — с отношением к техническому овладению миром, как исключительно важному, хотя далеко не единственному, компоненту цивилизационного развития.

Отношение к культуре

Вопрос об отношении к культуре и культурному развитию раскрывается в трудах ранних отцов Церкви в нескольких аспектах. Из них можно выделить три, представляющихся наиболее важными.

1. Отношение к культурному наследию языческих народов

К середине II века в христианство обратились многие образованные язычники. Новая вера охватила не только различ-

¹ Послание к Диогнету // Ранние отцы Церкви... С. 595.

ные народы, но и различные социальные слои, включая культурную и политическую элиту греко-римского мира. Большинство ранних отцов Церкви, прежде всего апологетов, происходили из высших слоев и до обращения так или иначе были связаны с профессиональным философствованием. Для них противоречие между двумя культурами — иудео-христианской и эллинистической — стало внутренним противоречием. Можно говорить об «интериоризации» социокультурных противоречий¹. Как разрешить их? Ясно обозначились две основные линии.

Первая, представленная большинством раннехристианских мыслителей, отличалась глубокой личной потребностью в примирении иудео-христианской традиции и эллинистической культуры.

Сторонники второй линии внутренне отторгали все, что было связано с языческой культурой. Крайнюю позицию здесь занимал Тертуллиан и особенно Татиан Сириец. Говоря о нем, архимандрит Киприан (Керн) отмечал, что «ненависть его к греческому гению беспредельна... Татиан — типичный варвар, озлобленный на изящество и аристократизм культурной нации. В нем... можно уже предугадать предвозвестника будущего сирийского мрачного направления неумеренного аскетизма в восточном христианстве»².

Татиану была ненавистна прежде всего эллинская философия. В своей пламенной «Речи против эллинов» он старается «разоблачить» греческих философов, которые, по его мнению, «кричат во все горло и каркают подобно воронам». Он обвиняет, возможно, отчасти и справедливо, философов в тщеславии, но на этой основе предлагает отринуть философствование как таковое.

С той же страстью Татиан обличает эллинское искусство, прежде всего театр, музыку, литературу, поэзию: «Прочь от меня басни Акусилая; прочь от меня стихи Менандра. Зачем я буду удивляться баснословному игроку на флейте? Зачем

¹ Необходимо иметь в виду, что восприятие жизни, времени, пространства, мировой истории в иудео-христианском и греко-римском мире представляли прямую противоположность. Достаточно вспомнить о линейном, историческом времени иудео-христиан и вечном круговороте греков; соответственно, и о крепкой исторической памяти первых и мифологизации совсем недавней истории вторых; об ориентации на письменную передачу культурной традиции и Священное Писание у одних и устное слово — у других.

² Киприан (Керн). Указ. соч. С. 123.

мне, подобно Аристоксену, делать изыскания о фивянине Антигениде?» Даже медицина, согласно Татиану, представляет собой «то же языческое коварство»¹.

Не меньший ригоризм по отношению к языческой культуре был свойственен и Тертуллиану, который выразил определенную тенденцию в развитии богословской мысли. В его творениях наметился «один из путей христианского сознания, который приводит в конечном итоге к своеобразному христианскому духовному нигилизму»².

Непримиримость Тертуллиана к языческой культуре проявлялась, прежде всего, в его отношении к философии. Его слова о полной противоположности Откровения и философии широко известны: «Что Афины — Иерусалиму? Что Академия — Церкви? Что еретики — христианам? Господа нужно искать в простоте сердца. В любознательности нет нужды после Иисуса Христа, а в поисках истины — после Евангелия». Мудрость человеческая — «домогательница и искажительница истины»³. По его убеждению, философия является источником всех ересей, а умствование — причиной всех зол. С этим связано и отрицание греческого и римского образования, поскольку, по мнению Тертуллиана, в нем «с самого начала начинает возводиться здание диавола».

Литература античных авторов — не более чем «глупость перед очами Господа». «У нас, христиан, — говорит Тертуллиан, — достаточно своих книг, стихов, изречений, славословий и песнопений, и причем истинных, а не лживых, простых, а не поэтически изощренных». Особенно яростно Тертуллиан обрушивается на зрелища, театр и Олимпийские игры: «Все виды зрелищ богопротивны. Они — творения диавола».

Интересно его противопоставление двух видов Олимпийских игр — языческих и христианских. Что это за христианские игры? Они — «святые, вечные и бесплатные», проводятся в душе христианина. «Благочестие — вот твои колесничные гонки. По этой дороге ты должен мчаться, считая мгновения и пройденные круги, не сводя глаз с конечной цели, отстаивая честь болеющей за тебя Церкви, под знаменем Бога, по сигналу трубы и Его ангела, стремясь к славной пальме мученичества»⁴.

¹ Татиан Сириец. Речь против эллинов // Ранние отцы Церкви... С. 391.

² Киприан (Керн). Указ. соч. С. 164.

³ Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994. С. 109.

⁴ Тертуллиан. Указ. соч. С. 288.

Конечно, театр, Колизей, бои гладиаторов, многие спортивные состязания; борьба натертых маслом борцов, разного рода публичные зрелища, — все это отличалось грубой чувственностью, безнравственностью, иногда беспредельной жестокостью. И раннехристианские мыслители, не знавшие и не представлявшие иного театра; спорта и зрелищ, обоснованно возмущались тем, что они знали и видели. (Не только Тертуллиан, но и Златоуст, и многие другие более поздние отцы Церкви отрицательно относились к театру и зрелищам.) Но лишь Тертуллиану свойственно такое озлобление против языческого искусства и зрелищ как таковых. Удивительно его описание последнего «Зрелища» — Страшного Суда, на котором праведники и ангелы радуются при виде мучений актеров и шутов, философов, писателей и поэтов древности, как языческих, так и иудейских.

Совершенно иную позицию занимали святой Иустин Мученик, Афинагор Афинский, Климент Александрийский и Ориген, которые говорили о необходимости избирательного отношения к культурному наследию античного мира. (Что касается Феофила Антиохийского, то в одних случаях он сближается с Татианом, особенно в критике философии, в других случаях говорит об избирательном отношении к языческой культуре.)

Исходная позиция в отношении этих раннехристианских мыслителей к языческой культуре заключалась в идее о причастности в той или иной степени всех людей Логосу.

Особенно показательны в этом отношении рассуждения святого Иустина Мученика. Он был убежден, что в христианстве воплотилось все лучшее, что было в философии. Вообще, все хорошее, что когда-либо существовало в истории до земной жизни Христа и до начала христианства, является по сути христианским, считал святой Иустин. Так, например, Сократ, Гераклит и другие великие философы, наряду с великими людьми прошлого — Авраамом, Ананией, Азарией, Мисалом, Илией и многими другими, «суть христиане»¹.

¹ См.: св. *Иустин Философ*. Апология II // Ранние отцы Церкви... С. 359. Известный западнохристианский мыслитель Карл Ранер по-своему продолжил эту идею, развивая концепцию «анонимного христианства». По его мнению, пока человеку не представят в ясной форме Евангелие Иисуса Христа, благодать может достичь его и через иную религию. Более того, она может проникнуть и в атеиста, который, таким образом, обретает подлинно христианскую веру, надежду и любовь, продолжая оставаться атеистом. Потому что Бог входит в совесть каждого человека, даже если че-

О том же говорил и святой Климент Александрийский. Завоевания человеческого разума святой Климент считает следствием действия Божественного Логоса. Ведь, по его мнению, «всякий навык и всякое ведение происходят от Бога»¹.

Продолжая линию святого Иустина, святого Климента Александрийского говорит о том, что Гомер делал пророчества, не зная об этом, что и Платон выражается «как ученик Слова». Эллинская поэзия также становится у него вдохновенной Богом. Призывая извлекать пользу из всех человеческих знаний, умений и навыков, святой Климент Александрийский был убежден, что, «подобно богословию, и науки светские имеют небесное происхождение». Он возвеличивает «человеческую мудрость», к которой относит все достижения культуры, вообще все, «до чего ум человеческий мог дойти».

Святой Иринеи Лионский, разделяя ту же позицию, высоко ценит достижения вообще всех языческих народов, отдавая должное и египтянам, и грекам, и римлянам. Он благодарит их за «дары» человечеству: «И мир пользуется спокойствием через них (римлян), и мы без страха ходим по дорогам и плаваем, где хотим». Святой Иринеи предлагает аллегорическое толкование даров, взятых израильянами от египтян, и называет все языческие народы, давшие человечеству различные дары культурных достижений, «благодетелями». Более того, он утверждает, что с такими «благодетелями» «Бог обитает»².

Таким образом, согласно святому Иринею, языческие народы приближаются к Богу именно через свои дары всему человечеству. Он иронически рисует образ некоего христианина, который решил очиститься от всего языческого, отбросив все «чужое», то есть дохристианские культурные достижения различных народов. «Если бы кто отделился от общества языч-

ловек и не осознает этого. О жизни «по совести» как залоге спасения каждого человека, вне зависимости от его религиозных убеждений, говорилось и на II Ватиканском Соборе. В Пастырской Конституции «О Церкви в современном мире» отмечалось, в частности, что «Спасение не только для верующих во Христа, но и для всех людей доброй воли, в сердце которых невидимым образом действует благодать Христова».

¹ *Св. Климент Александрийский*. Строматы // Отцы и учителя Церкви III века Антология. Сост. иеромонах Иларион (Алфеев). Т. 1. М., 1996. С. 42. Поэтому в «Строматах» святой Климент считает вполне уместным привести наряду с библейскими текстами слова Гомера и Гесиода о «мудрых» ремесленниках (речь идет об Урии, «исполненном Божественным Духом мудрости» для совершенствования в разного рода искусствах и ремеслах — Исх 31:2–5).

² *Св. Иринеи Лионский*. Творения. М., 1996. С. 400–401.

ников и ничего чужого не имел, буквально был наг и с голыми ногами и бездомно жил в горах, как какое-либо животное, питающееся травами, то он заслуживает снисхождения потому, что не знает потребностей нашего общежития»¹.

Необходимо заметить, что святой Ириней не рассматривает культуру греко-римского мира как «высшую» по сравнению с другими. Более того, «культурные» народы греко-римского мира оказываются у него не выше «некультурных» варваров, не имеющих даже письменности. Дело в том, что святой Ириней придерживался широкого понимания культуры, в которую включал не только достижения философской мысли, искусства, науки и техники, но и достижения человеческого духа, мудрость сердца. Поэтому для него язычники-варвары, «принявшие христианскую веру без письменности, суть варвары относительно нашего языка, но в отношении учения, нрава и образа жизни они по вере весьма мудры и угождают Богу, живя во всякой правде, чистоте и мудрости»².

Таким образом, отвергая язычество как религию, эти ранние отцы Церкви вовсе не отвергали ни богатое культурное наследие греко-римского мира, ни культурное наследие других языческих народов. Именно это направление, открытое диалогу культур, возобладало в христианской Церкви и в последующее время. Так, например, глубокое уважение к грамоте, образованию и вообще античной «учености» сохранили такие великие подвижники раннего монашества, как святой Василий Великий и святой Григорий Богослов. Они всю жизнь с благодарностью вспоминали о «золотых» годах, проведенных ими в Афинском университете. Святой Василий Великий даже написал целый трактат о пользе изучения светской литературы, в то время еще языческой, для юношества.

2. Проблема творчества

Все ранние отцы Церкви посвятили значительную часть своих трудов обоснованию положения о Боге как Творце всего сущего. Во многом это было вызвано необходимостью противостоять разного рода гностическим учениям. Поэтому все раннехристианские мыслители называют Бога Творцом, в чем следуют библейской традиции. Практически все уподобляют

¹ Там же. С. 400.

² Там же. Поэтому, по сравнению с иудео-христианами, «вера язычников оказывается благороднее, ибо они послушались слова Божия без учения посредством Писаний» (Св. Ириней Лионский. Указ. соч. С. 384).

Его художнику, по-новому развивая идею античной философии о природе-художнице. Но когда речь заходит о *собственно человеческом* творчестве как таковом, то есть о самой способности человека творить новое, мнения ранних отцов Церкви разделяются.

Одни подозрительно относились к творческим способностям человека и осуждали его стремление изобретать. В этом виделось нечестивое посягательство на исключительную привилегию Бога быть Творцом. Крайнюю позицию здесь занимает Тертуллиан, убежденный в том, что «Богу не нравится то, что Он не творил»¹.

Позже эту идею развил, в частности, святой Исаак Сирий. По его убеждению, возвеличивание творческих способностей в человеке неизбежно ведет к гордыне. Поэтому всякое культурное творчество, как искусство, наука, философия, технические изобретения, — все это отвлекает человека от духовной жизни и потому «противно вере»².

Противоположная позиция, которую разделяли многие раннехристианские мыслители, основывалась, прежде всего, на различении Божественного творения «из ничего» и творчества человека. Показательно в этом отношении суждение святого Феофила Антиохийского о том, что «человек-художник, если получит от кого вещество, делает из него, что захочет. Могущество же Бога обнаруживается в том, что Он *из ничего* творит что хочет»³.

Особенно возвеличивали способность человека к творчеству Климент Александрийский и Ориген. Именно в творчестве ими виделось проявление высокого достоинства человека и его богоподобия.

Несколько позже эта идея найдет свое отражение в работах таких отцов Церкви, как, например, святой Амвросий Медиоланский, святой Василий Великий, который называл творческие способности человека «истинным богатством», блаженный Августин, написавший настоящую оду «человеческой изобретательности»⁴.

¹ Тертуллиан. О женском убранстве // Избранные сочинения. М., 1994. С. 348.

² См. об этом: Св. Исаак Сирий. Подвижнические наставления // Добротолюбие. Т. 2. Троице-Сергиева Лавра. С. 656–657.

³ Ранние отцы Церкви... С. 470.

⁴ См.: Августин Блаженный. О граде Божием // Творения. Т. 4. М., 1998. С. 564.

Спустя века этот подход будет развит в учении святого Григория Паламы, который видел именно в творческой способности человека проявление образа Божия, которая ставит человека выше мира ангельского. Творчество всегда, по его глубокому убеждению, «Богостремительно», всегда есть космический акт, продолжение Божественного творения мира.

3. Оценка различных видов искусства

Положительное или отрицательное отношение того или иного мыслителя к человеческому творчеству как таковому далеко не всегда соответствует его одобрению или отрицанию всех видов искусств.

При этом в большинстве случаев отрицательное отношение к творчеству как таковому, какое мы видим, например, у Татиана и Тертуллиана, действительно влечет за собой суровое осуждение науки как таковой, музыки, изобразительного и театрального искусства, вообще всех видов творчества как таковых.

Так, все сферы искусства отмечены, согласно Тертуллиану, печатью порока и противоречат вере. Порочна музыка, потому что «невозможно воскресить в памяти псалом, слушая изнеженные рулады флейты»¹. Изобразительное искусство вообще непозволительно, потому что, как пишет Тертуллиан, еще в Ветхом Завете сказано, что нельзя делать изображений ни того, что на небе, ни того, что на земле или море (Исх 20:4). И он без сомнения применяет этот ветхозаветный запрет к современной ему жизни, призывая художников «переквалифицироваться» в маляры и штукатуры, а скульпторов — в столяры, только чтобы они не делали никаких изображений: «Не легче ли будет тому, кто способен нарисовать картину, расчертить стену? Вырезающему из липы Марса — сделать шкаф?»² Налицо, таким образом, тенденция к упрощению культуры и сведению искусства к ремеслу, что кажется Тертуллиану более благочестивым и соответствующим духу христианской веры.

Положительное отношение к человеческому творчеству как таковому отличается большим разнообразием в оценке различных видов искусств. В этом отношении весьма показательны суждения святого Климента Александрийского.

¹ Тертуллиан. Указ. соч. С. 287.

² Там же. С. 291.

Настороженно относясь ко всему, что может пробудить чувственность, святой Климент призывает к бдительной «охране» слуха от музыки, которая «при своей разнузданности и безобразии склонность к беспорядочным пиршествам лишь раздувает»¹. Как следует из дальнейших рассуждений святого Климента, речь идет не о какой-то определенной «разнузданной», но обо всей музыке как таковой.

Аллегорически трактуя Священное Писание, святой Климент Александрийский считает все музыкальные инструменты, с помощью которых псалмопевец призывает хвалить Господа, не более чем метафорой (в основном органов человеческого тела, где кимвал и арфа символизируют язык, цитра — уста и т. п.). Сами же музыкальные инструменты представляются ему «орудиями войны», «воспламенителями желаний», «разнуздыванием страстей и чувственных вожделиний». На этом основании он призывает к «изгнанию этих инструментов», которые «приличны более скотам, нежели людям»².

Христианам «в качестве инструмента для прославления Бога» он предлагает только «мирное слово» и псалмопение. Но это не означает пение в собственном смысле, так как «искусство, выражающееся в переливах голоса по разным коленам, есть лживое искусство; влияет оно на развитие склонности к жизни бездеятельной и беспорядочной»³.

Не стоит и говорить, что лирические песни не допускаются. «Нашими песнями должны быть гимны, обращенные к Богу... Мелодии же должны мы выбирать проникнутые бесстрастностью», — считает святой Климент Александрийский⁴.

Что касается изобразительного искусства, то оно допускается святым Климентом при определенных ограничениях. А именно в тех случаях, когда оно не связано с «роскошью», в которой святой Климент видит «матерь всякого зла». Было бы лучше и вовсе запретить всякие предметы роскоши, если бы это было возможно. Поэтому святой Климент «хвалит» Платона за проект закона, по которому запрещались «художественные работы из золота и серебра и вообще художественно сработанная домашняя утварь»⁵.

¹ *Св. Климент Александрийский*. Педагог. М., 1996. С. 145.

² Там же. С. 144.

³ Там же. С. 148.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 141.

Таким образом, святой Климент Александрийский, который часто воспринимается своего рода «либералом», приветствующим все дерзновения человеческого ума и творческих порывов, предстает далеко не столь однозначной фигурой. Его стремление «ограничить» или попросту «запретить» некоторые виды искусства, регламентировать жизнь христиан, включая их питание, одежду и т. д., не может не смущать. Тем более озадачивает апелляция к Платону, причем в тех именно случаях, где великий философ рассуждает с тоталитарных позиций о должном устройстве общества. И, тем не менее, за этим стоит, прежде всего, забота об определенной иерархии ценностей, желание уберечь христианское сообщество от искушений чувственности, привить ему навык самоограничения, аскетическое видение культуры и мира.

Отношение к цивилизационному развитию и техническому овладению миром

Отношение к хозяйственному овладению миром, техническому прогрессу, развитию человеческой цивилизации формируется в русле той же логики, что и отношение к творчеству и различным его видам.

Весьма показательны в этом отношении мысли ранних отцов Церкви о познавательных способностях человека и связанном с ними хозяйственно-техническом освоении мира. Здесь вновь прослеживаются два направления, представленные теми же авторами. И снова негативизм Тертуллиана оказывается однозначным. Впрочем, от этого он не становится менее ярким.

Изобретательство как таковое и техническое овладение миром представляются Тертуллиану выражением греха. Такая позиция объясняется во многом глубокой убежденностью в том, что все, что не от Бога, — от дьявола. Собственно человеческому деланию у Тертуллиана не остается места. Отстаивая монополию Творца на право творчества, он полагает, что вообще все искусственное, сотворенное человеком есть уклонение от первозданности, а потому порочно. Тертуллиан не сомневается в том, что все рукотворное есть извращение природы и не может быть угодно Богу: «Даже если сами вещества от Бога, то это не значит, что от Бога и изделия из них».

Отсюда осуждение конкретных видов ремесел, особенно тех, которые так или иначе противоречат аскетическим уст-

ремлениям Тертуллиана и его желанию вернуть людей к «природному», простому, а точнее — максимально упрощенному, образу жизни. Поэтому многие достижения технического прогресса и цивилизации, которые так ценил античный мир, казались ему происками демонов. «Сначала простодушным людям они показали, как добывать из земли металлы, объяснили свойства трав и силу заклинаний, обучили их суетным наукам, а потом, специально для женщин, создали украшения... Они знали, что Богу неуютны роскошь, тщеславие и стремление выглядеть привлекательно»¹.

Таким образом, Тертуллиан ставит в один ряд магизм, металлургию, научное познание и прикладное искусство, объединяя их как противобожеские устремления.

Другие раннехристианские мыслители, как, например, Ориген, напротив, возвеличивали способность человека к техническому освоению мира и развитию ремесел. В своем знаменитом трактате «Против Цельса» Ориген говорит, в частности, о том, что Бог может претворить зло во благо, а именно бедность и нужду — в стимул к развитию познавательных способностей и изобретательству. Поэтому Господь создал человека «существом, нуждающимся в труде». Только так человек оказался вынужденным «всюду упражнять свои познавательные силы», «только этим путем человек и ставился лицом к лицу перед необходимостью производить технические изыскания».

Таким образом, необходимость добывать «хлеб насущный» видится Оригену Божественным замыслом, благодаря которому человек был просто вынужден развивать и «искусство земледелия, и искусство производить вино, и искусство насаждать сады, а равно всю промышленность»².

Для одних раннехристианских мыслителей, как, например, Оригена и святого Феофила Антиохийского, практически все формы и виды технического овладения миром и ремесел представлялись благом. Не случайно святой Феофил спорит с греческими философами о происхождении различных искусств и

¹ Тертуллиан. Указ. соч. С. 345–346. Также в своем сочинении «Об идолопоклонстве» Тертуллиан говорит и о пагубности международной торговли, которая всегда была двигателем развития культурных контактов между народами. «В то время как Бог распределил вещи по странам, так что они бывают редки, где не рождаются, мы, вместо того, чтобы довольствоваться тем, что нам предоставлено, стремимся обладать такими вещами, которые Бог определил в пользу других народов. Эта проклятая страсть не имеет границ» (Там же. С. 349).

² Ориген. Против Цельса. М., 1998. С. 26.

ремесел, считая своим долгом убедить их в истинности библейского повествования о каинитах. По его логике, апелляция к Библии поможет укрепить христианство в глазах язычников. При этом святой Феофил не акцентирует свое внимание на «сомнительном» в нравственном отношении происхождении потомков Каина.

Другие раннехристианские мыслители, высоко ставя познавательную способность человека как таковую, по-разному оценивают различные виды ремесел. В этом можно увидеть первые предостережения о губительных направлениях развития культуры и цивилизации.

Конечно, с позиций сегодняшнего дня многое звучит субъективно и, может быть, несправедливо. И тем не менее нельзя недооценивать саму постановку проблемы ранними отцами Церкви, которые в ряде случаев как бы предвидят будущую возможность уклонения от христианской системы ценностей и создания «общества потребления», цивилизации, поставившей во главу угла власть и богатство.

Не случайно поэтому те виды ремесел, которые были связаны с представлениями о роскоши, осуждались ранними отцами Церкви. В первую очередь это относится к ткачеству и крашению тканей. В этом святой Климент Александрийский, святой Ириней Лионский и некоторые другие раннехристианские мыслители оказываются единодушны с Тертуллианом. Обращает на себя внимание то, что они считали крашение тканей занятием не менее греховным, чем идолопоклонство, колдовство и такую его разновидность, как употребление женщинами косметики.

Для Тертуллиана несомненно, что Бог ввергнет падших ангелов во тьму крошечную в частности из-за того, что они научили людей искусству красить ткани. И он приводит в своем знаменитом сочинении «О женском убранстве» аргумент против крашения шерсти: Бог «легко бы мог сотворить овец с пурпурной или лазурной шерстью, но Он не пожелал. А чего Бог не пожелал, того человеку делать не должно»¹.

О том же говорит и святой Ириней Лионский, уточняя, что именно падшие ангелы научили дочерей человеческих «злomu учению», в частности, «красильному искусству и производству дорогих тканей», равно как и «всякому фокусничеству и богоненавистному идолослужению»².

¹ Тертуллиан. Указ. соч. С. 348.

² Св. Ириней Лионский. Указ. соч. С. 577.

Святой Климент Александрийский более подробно говорит об этом ненавистном ему ремесле, что позволяет лучше понять логику решительного осуждения ткачества и крашения ткани. Он пишет: «Одежды из материалов, окрашенных в темно-красный цвет, и в оливково-зеленый, и в светло-зеленый, и в розовый, и в ярко-красный, и во множество других искусственных цветов, суть не что иное, как разновидности того же самого сладострастия, изобретательного на все злое. Средством увеселения глаз служат такие одежды, а не средством для защиты тела». Поэтому всем этим крашеным тканям, а «равным образом и ткацкому искусству... должно сказать последнее “прости”¹. Как же обойтись без промышленного производства ткани? Святой Климент предлагает ограничиться ткачеством в домашних условиях, предоставляя это женщинам².

Осуждая крашение ткани, святой Климент приводит в пример Платона, который «дозволяет употребление лишь тех тканей, на которых нет искусственных работ»³.

Как и Тертуллиан, святой Климент оказывается убежденным сторонником всего естественного: «искусство не должно соревноваться с природой», а потому дозволено «надевать на себя простые одежды белого цвета, желая, чтобы между нами были в ходу не пестрящие произведения искусства, а простые, естественные. С помощью этого он заповедует нам отказаться от всего лживого и поддельного и стремиться только к простой и прямой истине»⁴. Вообще, «красоте воображаемой», по мнению святого Климента, должна противостоять «чистота платья душевного»⁵.

В целом можно заключить, что ранние отцы Церкви в своих воззрениях на хозяйственное и техническое овладение миром исходили из представления о мире как исходящем из уст Божиих слове, как даре Бога. «Человеку, — отмечает в этой связи О. Клеман, — надлежало научиться рассматривать мир как дар Божий и как ведущую к нему ступень, а не набрасы-

¹ *Св. Климент Александрийский*. Педагог. С. 197.

² Там же. С. 262. В частности, святой Климент замечает, что «граждане Божественного Царства должны показываться в обществе в материях, купленных не на рынке, а дома сработанных и украшенных искусством их собственных рук... Она одевает в одежды своей работы и самую себя, и мужа».

³ Там же. С. 253.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 197.

ваться на него как на добычу. В этой перспективе мы вновь сталкиваемся с грехом как формой несвободы и эгоцентризма, стремления к использованию и потреблению мира вместо его преображения»¹.

* * *

Конечно, культурным творчеством и техническим освоением мира проблема цивилизационного развития далеко не исчерпывается. Вне поля нашего зрения остались такие его важные аспекты, как устройство общества, социальные и имущественные отношения, социальная гармония, которым ранние отцы Церкви уделяли весьма большое внимание и которые составляют особый предмет исследования.

Обобщая, можно сказать, что у раннехристианских мыслителей прослеживаются два основных подхода во взглядах на культуру, творчество, рациональное познание и техническое овладение миром.

Первый подход отличается положительным отношением, в то время как второй, напротив, характеризуется негативным отношением к творчеству, культуре, философии, «учености».

Согласно сторонникам второго подхода, Откровение было дано людям вместо всякого иного знания. Греховным считается и всякого рода изобретательство. Законченное выражение этот подход получил в формуле Тертуллиана: «Богу неужгодно то, что Он не творил».

Эти два подхода продолжали сосуществовать на протяжении веков, как в западном христианстве, так и в Православии.

Об этом говорит, в частности, известный западный богослов Э. Жильсон, рассматривая западную традицию. Он связывает различия в этих двух подходах с «естественными», иначе говоря, психологическими различиями «в классификации человеческих типов»².

¹ Клеман О. Истоки. Богословие отцов Древней Церкви. М., 1994. С. 138.

² См.: Жильсон Э. Разум и Откровение в Средние века // Богословие в культуре Средневековья. Киев. 1992. С. 6–17. Таким образом получается, что в основе различий в воззрениях между, например, Тертуллианом и святым Климентом Александрийским лежит не более, чем неодинаковый темперамент или психо-душевная организация. Конечно, африканский темперамент Тертуллиана нельзя сбрасывать со счетов, но столь же очевидно, что это далеко не единственная причина, толкавшая этого выдающегося мыслителя к ригоризму и негативизму в отношении культуры и знания.

Э. Жильсон обращает внимание на то, что позиция Тертуллиана «всегда находила решительных сторонников. Несмотря на индивидуальные различия, этот тип мыслителей так легко узнаваем! Они уделяют главное внимание трем или четырем текстам Апостола Павла, всегда одним и тем же; они, безусловно, осуждают греческую философию; они прослеживают ереси, направленные против религиозных догматов, и относят их к вредному влиянию философских размышлений о теологическом знании; они заявляют об абсолютном противоречии между религиозной верой в слово Божие и использованием естественного разума по отношению к Откровению. Все эти черты, чья взаимосвязь совершенно очевидна, помогают определить членов группы Тертуллиана и увидеть то общее, что объединяет эту группу»¹. Именно к этой группе он относит, например, святого Бернара, святого Петра Дамиани, «спиритуалов» из францисканского ордена.

Другая группа, согласно Э. Жильсону, связана с именами святого Иустина, святого Климента Александрийского, Оригена, а позже — блаженного Августина, Ансельма Кентерберийского, Роджера Бэкона, Раймунда Луллия и других.

И в современном западном христианстве два противоположных подхода к культуре продолжают существовать. Нельзя не отметить, например, позицию весьма авторитетного теолога начала XX века кардинала Ньюмена. По его мнению, культура «не помогает нам стать удобными Создателю», а потому на нее нельзя тратить ни времени, ни сил. Популярный христианский писатель Клайв Льюис пришел к выводу о том, что Новый Завет, как и Ветхий, «оказался если не враждебным, то уж, несомненно, безразличным к культуре. После него мы еще можем считать культуру невинной, но я не думаю, чтобы он помог нам считать ее важной»².

В православной жизни отношение к культуре, как и вообще созидательному земному активизму, профессиональному совершенствованию, также отличается большой сложностью. Как свидетельствуют многие пастыри, часто люди, став христианами, бросили писать стихи, бросили заниматься живописью, считая, что все это внешнее, ненужное, вредное для их духовного развития. До сих пор актуально звучат слова, сказанные в начале XX века В. В. Розановым: «Обыкновенно с христиан-

¹ Жильсон Э. Указ. соч. С. 9.

² Христианство и культура. // Льюис Клайв С. Просто христианство. Бог под судом. М., 1994. С. 207.

ством мореплавание, например, «мирилось» через то, что сзади моряку как бы привешивался мешок с добрыми христианскими делами: «Моряк этот был де милостив к матросам, обходителен с товарищами, а посему он был христианин». Мешок этот за спиною слабо привязан и более затушевывает вопрос, чем его разрешает. Ибо вопрос-то состоит в том, *что же есть собственного и специального в моряке, а также в художнике, в поэте, в ученом и мыслителе, что связывало бы их с религией?* Да само бытие их — сочное и полное, без отрицания мотивов, страстей, капризов или гения, входит всею полнотою полнот в волю Отца Небесного», — заключал он.

* * *

Писания мужей апостольских и апологетов убеждают нас в том, что проблемы культуры и цивилизации, хотя и не являются в свете христианской эсхатологии самоценными, не могут считаться, однако, чем-то неважным и второстепенным.

Вместе с тем, можно сказать, что многие аспекты остаются открытыми для исследования. В этой связи нельзя не отметить важность документа «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». В нем, пожалуй, впервые дается официальная позиция Православной Церкви по отношению к культуре и многим аспектам цивилизационного развития. В частности, отмечается, что «духовной и культурной экспансии, чреватой тотальной унификацией, необходимо противопоставить совместные усилия Церкви, государственных структур, гражданского общества и международных организаций ради утверждения в мире подлинно равноправного взаимобразного культурного и информационного обмена, соединенного с защитой самобытности наций и других человеческих сообществ»¹. Эта стратегическая цель не исключает, а скорее предполагает усилия по дальнейшему осмыслению современных культурных и цивилизационных процессов с христианских позиций.

¹ Цит. по публикации на официальном сайте РПЦ ([http:// www. russian-orthodox church.org.ru](http://www.russian-orthodox.church.org.ru)).